

АЛЕКСЕЙ АИМИН

ГОЛКИПЕР

НАС ВЕДУТ

Алексей Аимин

Голкипер. Нас ведут

«Издательские решения»

Аимин А.

Голкипер. Нас ведут / А. Аимин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934848-7

По жанру — это повесть-микс. Документальность материала удивительно сочетается с историей и мистикой. События разворачиваются в небольшом городке на фоне рутинной жизни 2000-х. Но главный герой живет и в экстремальных ситуациях времен СССР. Две эти жизни разделяют три десятилетия по времени, и тысячи километров пути. Однако они связаны тугим узлом, ведь и там и там затронуты вопросы нигде и никогда не теряющие актуальность:— Кто мы на этой Земле?— Кто нас ведет?

ISBN 978-5-44-934848-7

© Аимин А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
РУБИКОН	8
За чертой	10
ПОЛГОДА НАЗАД	12
Работа	14
Двор	16
Молодежь	20
СЛУЖЕБНАЯ КОМАНДИРОВКА	23
На чужом берегу	25
Лекция по истории	30
Армейские будни	34
Дискуссия	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Голкипер Нас ведут

Алексей Аимин

© Алексей Аимин, 2018

ISBN 978-5-4493-4848-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Каждый хоть раз в жизни оказывался в ситуации, когда опасность была совсем рядом, но по счастью нас обходила. Чаще всего мы принимаем это как должное, самонадеянно считая, что так должно и было быть. Но у некоторых иногда все же возникают вопросы:

Кто нас ведет по жизни?

Кто нас сопровождает и охраняет?

Не раз приходилось слышать про то, что *внутренний голос*, подсказал правильный шаг. Или про *интуицию*, которая не подвела.

Оба эти понятия обычно объединяют и дают следующее определение: *озарение, чутье, проницательность*.

Со временем эта способность оценивать ситуацию переходит в *мудрость*.

Однако не все зависит от способностей человека предвидеть и накопленного опыта. Поэтому к отдельным событиям жизни порой приписывают вмешательство высших сил.

У всех народов были свои представления и мнения по этому поводу и естественно различные образы.

Большие надежды человек всегда возлагал на Бога.

Человек ходит, Бог водит

В то же время это были призывы к покорности его воле, а, как известно, цари были помазанники божьи. Поэтому власть такой подход к жизненным реалиям очень устраивал:

Господня воля – наша доля

Человек предполагает, а Господь располагает.

Но постепенно с распространением материализма, отношение ко Всевышнему стало более отстраненным и равнодушно безысходным:

Бог отнимет, Бог и подаст.

Бог дал, Бог и взял.

Наши предки никогда не отличались верой в единого Бога и скорее были язычниками и фаталистами. Причем им было совершенно все равно, как именно ее называть – просто некая «неведомая «сила».

Большинство верили в судьбу и очень часто можно было услышать:

От судьбы не уйдешь

Фразеологизм *предначертанная судьба*, означает, что существует и тот, кто начертал. Ясно, что не человек, а кто-то иной.

В греческой мифологии судьбу предсказывали пряжи Мойры. У римлян это была Фортуна. Может потому слово судьба в нашем языке женского рода а в фольклоре мы не раз встречаем выражение *путеводная нить*.

Пряжи судьбы

Еще одним судьбоносным символом является *путеводная звезда*. Этот символ облюбовали поэты и он скорее подходит мечтательно возвышенным натурам:

Мало родиться под счастливой звездой, надо еще сделать ее путеводной.

Чрезмерная бравада и уверенность в предначертанности и привели к «залихватскому» отношению к жизни и смерти и закрепилось в поговорке:

Кому суждено утонуть, того не повесят

Но даже прикрываясь бравадой, пытается на эту тему шутить, в душе несут веру в свою *счастливую звезду, путеводную нить, и ангела хранителя.*

РУБИКОН

*Юлий Цезарь, воскликнув: – Жребий брошен!
со своими легионами перешел реку Рубикон
Это означало, что назад пути нет.*

Вовка встал поздно, около десяти. С вечера его мучили нехорошие предчувствия, и он никак не мог заснуть, а ночью даже пару раз просыпался.

Он попытался переключиться.

Сегодня суббота и к тому же его день рождения – можно и поваляться. Да, сегодня ему исполняется 22 года, уже двадцать два. Но, что-то заставило его встать и подойти к окну.

Погода была отменная. У подъезда сидели на своем посту божьи одуванчики Клавдия и Липа. Сосед, из дома напротив, выгуливал своих плюгавых песиков, а в центре двора под сиренью Виктор Михалыч резался в шахматы с мужиком по прозвищу Цезарь. Вовка вспомнил, как вчера Михалыч подколот его:

– Это в дневнике две двойки – цифры не очень приятные, а в жизни – самое то. Знаешь, сейчас предложи – любой свои две пятерки или две четверки на твои двойки обменяет.

Вовка еще не решил, куда со Светкой пойдут вечером – в кафешку или отметят этот день дома вместе с Михалычем. Светка настаивала на втором варианте.

Он вышел на кухню и тут услышал истошный крик Клавдии. Несколько секунд и он у окна. В доме напротив, на четвертом этаже он увидел маленькую девочку, судорожно хватшуюся за оконную раму. Михалыч уже влезал на козырек подъезда.

– Хочет добраться до нее по балконам – сообразил Вовка, – но окно ведь на четвертом, успеет ли?

Вовка рванул на помощь. Вот он уже во дворе.

Михалыч стоял на балконе четвертого этажа и готовился к прыжку. Вовка сразу понял, что он задумал и куда именно надо бежать. Ниже этажом вправо.

Он на одном вдохе взлетел к дверям нужной квартиры.

Сердце разрывалось от напряжения.

Вовка барабанил изо всех сил.

Неумолимо бежали. секунды

– Неужели никого нет?!..

Есть! Чьи-то шаги...

Заспанная физиономия мужчины. Вовка оттолкнул его и ринулся на балкон. Открыв дверь, он увидел сидящую хнычущую девочку. Поднял ее и передал все еще ничего не понимающему хозяину. Сам же бросился к Михалычу, вернее, к его рукам, которые медленно сползали по прутьям балконной решетки.

Перегнувшись через перила, Вовка попытался ухватить руку, но не успел. Он увидел лишь удаляющиеся глаза Михалыча, в которых читался вопрос:

«Как малышка?» и еще что-то...

Теперь вниз!

Вовка первым оказался рядом с лежащим навзничь Михалычем. Он принялся делать ему искусственное дыхание, но через несколько минут понял его бесполезность.

Вместе с Цезарем они перенесли Михалыча и положили на траву.

Потом они сидели на скамейке, и Вовка корил себя последними словами за то, что всего лишь на одну-две секунды не успел и непроизвольно подвывал.

Пал Палыч, так звали Цезаря, как мог, успокаивал его, хотя и сам был потрясен случившимся:

— *Рубикон перейден* – задумчиво и одновременно утвердительно произнес Палыч – назад дороги нет. Знаю, он смерти не боялся, не раз ей в глаза смотрел. Цельный был человек!

Дальше все происходило как в тумане. Толпа соседей, скорая помощь, охающие старушки, Клавдия и Липа рассказывают зевакам о случившемся – с каждым разом все красочнее.

За чертой

Михалыча похоронили рядом с женой на Смоленском кладбище. Вовка успел лишь к концу процессии и едва успел бросить в могилу горсть земли со словами:

– Пусть земля ему будет пухом.

Прощай батя...

Это уже позже он узнал, что в древние времена когда хоронили погибших на их могилы люди носили землю шапками, шлемами, корзинами насыпая сопки и курганы. И чем достойнее были погибшие, тем выше были их могилы, ведь землю приносили и позже – в дни поминовения.

Провожающих было совсем мало – невестка с внуком и все. Сын Дмитрий находился в плавании. Вовка рассказал, как все произошло.

Невестка, убрав набежавшую слезу с горечью прокомментировала:

– Это на него похоже – спасатель...

Всюду лез, все-то ему было надо, то кого-то грудью прикроет, то из проруби вытащит. И сам рано ушел, и жену туда раньше времени отправил! – но, увидев Вовкин взгляд, сбавила тон:

– Всю жизнь она за него боялась, переживала...

Поправив венок, она попрощалась и ушла.

Вовка стоял у глиняного холмика в прострации:

– Что теперь-то?..

Но тут он вспомнил, как Михалыч собирался погулять на их со Светкой свадьбе.

– Как же он тогда сказал?...

«Это на поминки не приглашают...»

Вовка прошел до ближайшего магазина и вернулся на кладбище. Он видел, куда направились могильщики, и пошел к ним. Зайдя в бытовку, он безошибочно определил старшего – крупного бородача.

– Мужики, давайте помянем хорошего человека.

Старший хмыкнул:

– А здесь, почитай, все кладбище хорошими людьми заселено. Кто ж про покойников плохое скажет? А кто он тебе?

– Никто.

– Значит, и правда хороший человек. У нас сейчас только говнюков всяких с музыкой толпами хоронят, а хороших людей и при жизни не ценят и после смерти быстрее забыть стараются. Они ж как укор всем оставшимся!

Вовка ехал домой и под стук колес электропоезда вспоминал, вспоминал, вспоминал...

Знал он Михалыча всего ничего, но ближе человека в жизни не встречал. И это несмотря на то, что по возрасту, тот мог бы быть его дедом. Но между ними была какая-то невидимая связь – чувствовал, как их притягивало друг к другу.

Но больше всего мучил его еще вопрос:

– Что же было в последнем взгляде Михалыча?

Это было какое-то послание адресовано именно ему и он ощутил какой-то толчок.

Что-то необычное было и в резюме патологоанатома:

– Сердце разорвано как граната – никогда такого не видел – возможно, умер до того как упал.

Вовка чувствовал себя после свершившегося совсем другим человеком, как будто в его теле *поселился кто-то еще*. Но это его почему-то совсем не тревожило.

Он вспомнил слова Палыча: Рубикон пройден – назад дороги нет. Это было сказано и о нем – прежним Вовкой он уже никогда не будет!

И еще он вспомнил слова Михалыча:

Незачем бояться смерти: когда мы живем – смерти еще нет, а когда она наступает – то нас уже нет — ты уже за чертой.

Вовка все прокручивал и прокручивал в памяти последние секунды жизни Михалыча и тот самый взгляд. В какой-то момент его словно осенило – это была его просьба-наказ:

«Продолжай!..»

ПОЛГОДА НАЗАД

*Память о том, кого уважали и
Любили, с годами не меркнет...*

Под равномерное покачивание вагона в голове одна за другой возникали картины из недалекого прошлого. Полгода назад Вовке повезло, он снял комнату в центре города рядом с работой и всего за тысячу в месяц. Давно уже ему хотелось пожить одному, самостоятельно.

Вовкина мать с отчимом жили в поселке кирпичного завода – от райцентра три остановки на электричке. Но дело даже не в дороге – до работы около часа. Осточертело ему жить в доме отчима с его армейскими замашками советских времен.

Просто он сам только полгода как отслужил. А когда вернулся, родного дома как не бывало – сгорел дотла. Вот мать и перебралась к своему давнишнему ухажеру, которому почти десять лет во взаимности отказывала.

– Жизнь штука сложная, порой она ведет людей против их желаний и устремлений, особенно тех, кто перестает бороться – так, довольно мудро рассуждал Вовка в неполные 22 года.

А ведь в школе он был твердым троечником. Вовка никогда не делал уроки, ему достаточно было внимательно послушать преподавателя, чтобы понять суть вопроса. Он всегда отличался живостью ума, был среди сверстников заводилой и числился хулиганом.

Учитывая такие «способности», а еще «дурную наследственность» (отец сидел, мать, по меркам соседей была легкого поведения), все предрекали ему незавидное будущее.

Однако Вовка твердо решил опровергнуть это пророчество. Еще до армии он окончил ПТУ по профессии столяр-краснодеревщик, а сейчас подумывал, куда бы пойти учиться дальше.

Виктор Михайлович, хозяин квартиры, показал его комнату и места общего пользования. Потом четко определил обязанности, предупредил по части женского пола, отдал ключи и ушел к себе.

– Аскет какой-то, – подумал Вовка, осмотрев нехитрый кухонный скраб, – да и хрен с ним, лишь бы с наставлениями не лез. Вообще хозяин Вовке поначалу не очень понравился: седой, сухощавый, к тому же военный пенсионер:

– Прямо ужас какой-то – прет на него эта масть цвета хаки и прет!

В возрасте Вовка не разбирался, считал так: раз пенсионер – значит за шестьдесят. Одним словом, древность! Но вопреки ожиданиям сосед с наставлениями не лез, замечаний тоже не делал. Да и Вовка поводов к этому не давал, соблюдал порядок и девушек не водил – у него их на тот момент и не было.

Когда-то была в поселке первая любовь. Со школьных лет дружили, целовались. Из армии его почти дождалась. Он слышал армейскую прибаутку:

*Дембель Гриша, вернувшийся домой,
еще по надписям в лифте понял,
что Ира его не дождалась!*

Но не верил, что это будет и о нем. За два месяца до его дембеля его Оля выскочила замуж за распальцованного парня при импортной «тачке».

Потому Вовка в настоящее время к женскому полу находился в полной оппозиции, то есть твердо стоял под лозунгом:

«Все бабы стервы!»

Именно с такой позицией он и познакомил хозяина квартиры, сославшись на пример из своего пока еще небогатого опыта.

– Э-э, милый, это взгляд однобокий. Ты поставь себя на их место.

– С чего это я на их место должен вставать?

– Ну ладно, давай по-другому. Каждый из нас хочет жить хорошо, и человек постоянно ищет то, что ему нужно. У женщин и мужчин в желаниях различия вроде бы совсем незначительные:

***мы ищем, где нам лучше устроиться,
а они – как им лучше устроиться.***

Мужику что? Ему собраться – только подпоясаться, а у женщин всегда в перспективе хвост, с которым далеко не убежишь. Потому и любовь у них все же с большей долей расчета. Не всегда, конечно...

– Все равно, Виктор Михайлович, с ними кашу не сваришь!

– И без них тоже, – улыбнулся хозяин. – Ты вот что, зови меня просто Михалыч, мне так привычней, а то пока имя-отчество выговариваешь – мысль недолго потерять. А вот тебе вопросик на досуге поразмышлять: в чем связь корня жизни именуемого женень со словом женщина?

Сосед ушел в свою комнату. Вовка задумался. Нет, не похож Михалыч на всех тех вояк которые ему попадались, совсем не похож. Да еще этот шрам, выступающий из-под ворота рубахи, который Вовка только сейчас заметил.

Работа

Вовка работал в частном предприятии по производству мягкой мебели. За полгода Вовка освоил все операции и мог подменить любого из бригады. А еще он без проблем мог остаться и на вторую смену. Именно потому он числился в хороших работниках, свидетельством тому зарплата, которая порядком подросла и он даже помогал матери.

Работа не так тяжелая как занудная.

Вот ребята и тренировались в словоблудии по поводу изготавливаемой продукции:

Со словом мать – рифмуется кровать

Хорошие мужики на дороге не валяются. Они валяются на диване.

Дружу с диваном... На него всегда можно положиться!

О сколько нам открытий чудных готовит этот вот диван!

В первое время, когда Вовка еще жил в поселке, он после работы с приятелями часто оттягивался пивком.

Общество отчима ему было невыносимо, и он старался вернуться домой попозже, а то и вовсе заночевать в цеху, благо выбор диванов здесь был большой. Основными темами в его новой компании были две – девочки и автомобили. Здесь процветали хвастовство постельными подвигами и мечты – в основном об импортных «тачках». В конце концов, все сводилось к простейшей схеме:

чтобы снять девочек, нужна тачка, чтобы заиметь тачку – нужны деньги.

Вовке эти разговоры быстро стали надоедать, и когда он заимел свою комнату, эти посиделки стал посещать все реже и реже. Приходя с работы домой, он часто валялся перед телевизором и размышлял о своей дальнейшей жизни.

Будущее просматривалось неясно, но финал у него рисовался во всей красе. Вот он на шикарном джипе обгоняет устаревший БМВ, в котором сидит Оля со своим хмырем, и Вовка небрежно машет им рукой.

– Эх, было бы с кем посоветоваться, кто бы хоть подсказал, – размышлял он, – а то ни друзей, ни приятелей... Пока он долг Родине отдавал, все куда-то поразбежались, поразъехались.

Все чаще Вовка стал думать о своем соседе Михалыче. Не раз он возвращался к их мимолетному разговору о женщинах. А тут еще в их фирменном магазине новая девочка появилась, вот уже неделю как с ним переглядывается. Так что кухонная тема, похоже, еще не закончена.

Подтолкнул его к ее развитию его новый приятель Пашка. Он работал в агентстве недвижимости, которое находилось рядом с их салоном-магазином. Именно он подыскал ему эту комнату. Пашка про хозяина поведал так:

– Мужик из Питера, жена у него недавно умерла. Там он квартиру продал, а купил здесь, может, деньги были нужны, может, ближе к природе потянуло.

Про квартиранта была такая наводка: чтобы молодой, не употребляющий и чтоб после армии – как раз про тебя.

Пашка тоже обратил внимание на девочку из салона, пошутив, что здесь она вряд ли долго проработает, кто-нибудь купит как приложение к мягкой мебели, больно уж хорошо она на фоне диванов смотрится. Непонятно почему, но Вовку это задело.

Двор

Было около десяти утра, во дворе было тихо и пусто. За углом еще шаркала метла припозднившегося дворника, а у первого подъезда сидела пожилая женщина, рядом с которой стоял костыль.

Михалыч сидел на скамеечке в глубине двора. На шахматной доске были расставлены фигуры, но его партнер Пал Палыч запаздывал.

Но вот, наконец, из дома напротив, вышел грузноватый пенсионер и засеменил в его сторону.

– Михалыч... – приподняв руку, поприветствовал опоздавший.

– Палыч ... – легким кивком ответил тот, и показал на доску— какие выбираете?

Палыч, пробубнив что-то про слонов Александра Македонского выбрал белые и двинул вперед пешку.

Они были знакомы меньше месяца. Пал Палыч был учителем истории. Он по его рассказам прожил в этом дворе уже два десятка лет, а в городке все сорок и знал все почти про всех дворовых обитателей трех многоквартирных домов и одного еще сталинской постройки.

Пять лет назад в это время Палыч под руководством супруги пахал бы на собственных шести сотках. Но теперь дача была заброшена, супруга больна, и уже не первый год летние каникулы Палыч проводил в городе, читая лекции всем желающим.

Желающих было немного и потому Цезарь был очень рад новому знакомству, видя в новом соседе интересного собеседника. Михалыч давно знал прозвище своего напарника, но называл его так лишь мысленно – возраст уже не позволял.

Из-за угла вывернули две пожилые женщины с журналами и брошюрками в руках. Они окинули взглядом двор и не спеша направились в их сторону.

– Во! Свидетели Иеговы¹ пожаловали, – сообщил Палыч, – не спится им бедным, круглые сутки миссию выполняют. Сейчас спрашивать будут: а вы знаете, как зовут Бога? – заключительную часть фразы он произнес гнусавым голосом.

Женщины подошли, поздоровались и та, что моложе, обращаясь к новому для них человеку, действительно обратилась с вопросом, правда, не по тексту «суфлера» Палыча:

– Вы верите, что на Земле будет конец света?

– Верю, – вроде как подыграл Михалыч.

– А вы хотите спастись?

– Нет, не хочу.

И если первый ответ полностью вписывался в заранее подготовленный сценарий с непростительными, то второй ставил жирный крест на его продолжении в нужном русле. После заученных наводящих вопросов, очередной прозвучал намного искренней:

– А почему?

¹ деятельность организации запрещена в РФ

– Потому что все мои предки, все мои родные и близкие, не успев приобщиться к вашему единственно-верному учению, уже не спаслись. Так я уж заодно с ними – в общую кучу.

– А может, все-таки... – вторая женщина протянула Михалычу брошюрку и журнал.
– Может...

Взяв предложенную литературу, он положил ее рядом с собой на скамейку, и как бы оправдывая свой поступок пояснил:

– Надо же знать, кто нам какое светлое будущее обещает.
Он посмотрел красочный журнал на дорогой глянцевой бумаге.
Картинки были яркими и впечатляли.

Грешникам не спастись...

– Башня какая-то... сторожевая. Страшают...

– Слизали с Вавилонской. – откликнулся Цезарь, – Только там хотели до Бога добраться, а здесь наоборот, сторожат, чтобы кроме них никто до Бога не добрался.

– У них башня, у масонов пирамида. И там и там надо карабкаться к месту под солнцем и поближе к высшему начальству.

– Абсолютно правильно мыслишь, – похвалил Цезарь, – а вообще это ведь прообраз карьерной лестницы – все пирамиды ступенчатые, только из-за масштабности не так в глаза бросается.

– Был я рядом с ними – видел...

Женщины, о чем-то переговариваясь, пошли дальше, а Палыч провожая их взглядом многозначительно сообщил:

– Смотри, как они сейчас Клавдию обойдут. В прошлый раз она их так своим костылем отходила – бежали прытко! Она-то истинно православная, а православные ух как могут врезать, даже и костылем!

Действительно, проходя мимо клавдиной скамейки, женщины прижались к противоположной обочине и ускорили шаг.

Михалыч вспомнил фразу своего фронтового товарища Вадима, которую он запомнил почти слово в слово:

«Каждая религия считает иноверцев врагами и просит у Бога их покарать. Бог в растерянности...»

Палыч поведал о Клавдии Антоновне:

– Нрав у нее будет покруче, чем у Екатерины Великой. Когда в тюремной охране работала – все по струнке перед ней стояли. А лет пятнадцать назад они с мужем на своей машине в аварию попали, так что ей пришлось отнять обе ноги. Но она так лихо на протезах ходит, что не каждый догадается, что без ног.

Воля-то у нее – во! – и поднял зажатый кулак.

После чего продолжил:

– Потом муж от нее ушел, и не потому, что подлец какой – он и сейчас ее изредка навещает, – а потому, что и-зв-е-ла! – Последнее слово он произнес по слогам и тут же переключился:

– Михалыч, а тебе мат!

– Действительно... Прямо как в той шахматной задаче: белые начинают и выигрывают. Теперь моя очередь.

Расставляя фигуры, Михалыч вспомнил, как он впервые проходя мимо Клавдии угостил ее яблоком. Та попыталась отказаться, но быстро сдалась.

Потом она стала жаловаться на высокие цены, на то, что хорошие лекарства и свежие фрукты ей не по карману, а ведь надо и в церковь что-нибудь отнести.

На ее вопросы о своем семейном положении, не развивая тему, Михалыч ответил, что он вдовец, а о материальном – на жизнь хватает.

– Она и с дочкой и зятем не ладит, все указывает, как им жить, как внуков воспитывать, все тяжкие на них вешает.

– Да уж, – вполголоса добавил Михалыч, – взгляд у нее прокурорский.

– Клавдия всю грехи замаливает, – продолжил Палыч, – считает, что это за спесь и гордыню ее Боженька покарал. На другой конец города в храм ездит, а там пешком от вокзала почти километр, ни одну крупную службу не пропускает.

Только толку-то, – он махнул рукой, – обратно уже ничего не вернешь, рубикон пройден.

Михалыч знал, что это выражение Юлия Цезаря, но показывать свою осведомленность не стал, чтоб Палыч не заподозрил в этом намек на его прозвище.

Вовка вышел во двор. В глубине двора на скамеечке за шахматной доской сидели Михалыч с Цезарем. – Прямо как в старинных фильмах из шестидесятых – застойные времена.

А впрочем, чего им еще остается – доживают. Это у нас еще все впереди, а у них уже все давно сзади.

Когда он вышел к Клавдии уже присоединилась еще одна сиделица в платочке. Обе они с синхронным поворотом головы проводили Вовку немного осуждающим взглядом.

Полного осуждения у них обычно устаивались местные хип-хопы, в шортах, с пирсингами и невообразимыми прическами на головах и девочки в коротких юбочках. Вовка же был прилично одет и причесан, и вся его вина видимо состояла в том, что был молод.

А мы ведь такими не были...

В это время раздался шум. Из окна четвертого этажа одного из домов слышались ругань и плач ребенка. Михалыч вопросительно посмотрел на своего визави.

– Это у Ковалевых. Была семья как семья, квартиру вот получили – одними из последних. Успели еще по советской очереди. Двух дочек Бог дал. Старшей теперь годков двенадцать, а младшая лет пять назад родилась – Катей зовут.

Больная девочка, у нее что-то с позвоночником.

А мать два года назад взяла и укатила с проезжим гастролером. Мужу Кольке этот доверок оставила. Он-то работает, а за ребенком постоянного пригляда нет, когда старшенькая, когда соседка, а когда и одну запирают в квартиреИ скучно одной, она все на окно забирается, – любит во двор смотреть. Вот и сейчас похоже соседка видимо, пришла покормить и с подоконника ее снимала. Жизнь у многих такая, что не позавидуешь.

– Да уж, за что боролись...

Кстати, Палыч, ты вроде проиграл, так что один – один.

Молодежь

На следующий день у Вовки был внеплановый выходной, должок сменщика, – не все же ему по две смены пахать. Он хорошо выспался, встал, умылся и пошел на кухню.

Выглянул в окно посмотреть на погодные условия, – погода отличная.

В глубине двора на скамеечке за шахматной доской сидели Михалыч с Цезарем. – Прямо как в старинных фильмах из шестидесятых – застойные времена. А впрочем, чего им еще остается – доживают. Это у нас еще все впереди, а у них уже все давно сзади.

Допив чай, Вовка прошел в свою комнату. Он уже знал куда пойдет, хотя по-прежнему врал самому себе, что это ничего не значит, однако пересмотр имеющейся одежды говорил об обратном. Наконец, надел светлые брюки и белую тенниску.

Подойдя к зеркалу, он оглядел себя:

– Конечно не голливудский красавец, но ничего, в меру накачан, рост за 180, серо-голубые глаза, умный взгляд... – это я себе, пожалуй, польстил, – заканчивая осмотр, подумал Вовка.

– Надо бы что-то и потеплей, вдруг загуляемся до утра?

В его воображении рисовались картины одна другой лучше.

– Размечтался!.. – остановил он себя.

В скромном гардеробе нашлась только трикотажная куртка с капюшоном, да и та по шву разошлась. Иголками и нитками он запастись еще не успел, – придется попросить у Михалыча.

Он подошел к его комнате и постучал.

– Заходи – услышал он его голос из-за двери.

Михалыч сидел за письменным столом у окна, на котором лежали газеты, журналы и несколько книг. Он вопросительно взглянул на Володьку.

– Мне бы иголку с ниткой.

Михалыч достал из нижнего ящика стола шкатулку.

– Ну, кажись, у тебя личная жизнь налаживается?

– А почему вы так решили?

– Светишься изнутри.

– Так заметно?

– Да нет, если не приглядываться.

Вовка не утерпел и рассказал Михалычу о своей Светлане, в мыслях он ее уже называл своей.

– Ну-ну, – подбодрил Михалыч, – ты только не торопись, не поддавайся целиком чувствам, ведь нам еще и разум дан:

*Пусть разум твой направляет дела.
Он душу твою не допустит до зла.*

– Это вы сами придумали?

– Да где уж мне, был такой восточный поэт Фирдоуси.

Но он тоже понял, что бесполезно втолковывать – вам говори, не говори, у вас всегда по-своему.

Хотя по-своему вы правы – можно долго и упорно строить планы на будущее, а в это время жизнь будет проходить мимо.

– Да нет, почему же... – Вовка решил запомнить это выражение для будущего свидания. А пока окинул взглядом комнату.

Обстановка была такая же аскетическая, что и на кухне. Рядом с письменным столом книжный шкаф, в одном углу стоял диван, в другом тренажер. Из мебели было еще кресло и тумба с телевизором.

Михалыч в это время смотрел на Вовку и думал:

– Парень как парень, но что-то в нем есть, он это сразу почувствовал – стержень какой-то. и... он наконец нашел нужное слово – цепкость. Именно с такими в разведку ходят.

– Немного же вы нажили, – заключил осмотр Вовка, – а бабки вами интересуются, считают завидным женихом.

– Какой я жених, к другой жизни уже готовлюсь, а там все это барахло, не пригодится.

– Вы что в Бога верите?

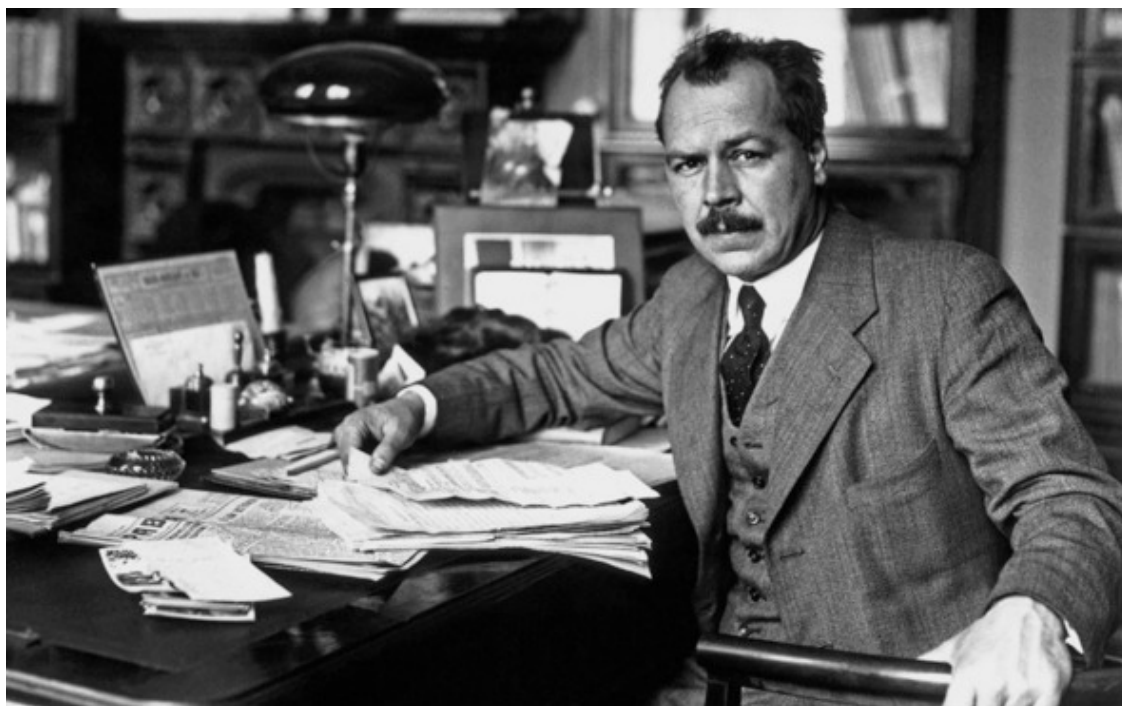
– Верю. Правда, не в такого, в которого эти твои бабки верят. Я не в сказки верю, а больше на факты опираюсь, особенно те, которые современная наука не в силах объяснить.

Ты про академика Вавилова слышал?

Вовка невразумительно мотнул головой.

– Так вот, в начале 30-х годов прошлого века он исследовал дикие и культурные сорта пшеницы, и сделал вывод, что из дикой пшеницы, культурная получиться никак не могла. Для этого надо было хромосомный ряд переделать, что даже сегодняшней науке не под силу. Без вмешательства извне... – Михалыч поднял взгляд к потолку, после чего взглянул на Вовку, – тот его внимательно слушал.

И тогда он открыл статью в научно-популярном журнале с фото академика и продолжил:

Николай Вавилов в своем кабинете

– Мало того, что культурная пшеница появилась сразу же в нескольких местах на земле.

– А зачем это было Богу надо?

– Вот это вопрос по существу!

Михалыч сам не заметил, как распалился

– Все не так просто!

После возникшей паузы, Вовка спросил:

– А что стало с Вавиловым?

– Опубликовав свои исследования в 1934 году, он, сам того не подозревая, подписал себе смертный приговор. В период борьбы с религией, намек на высшие силы это было уж слишком. К тому же на место земного бога уже претендовал «отец народов» – товарищ Сталин. Надеюсь, о нем ты все же что-то слышал?

На этот раз Вовка кивнул твердо. Он подошел к книжному шкафу. Основная часть книг была крупногабаритной – справочная литература и словари. На одной из полок, он увидел хрустальную селедочницу на которой лежало перо необычной формы чистейше белого цвета. В середине его был виден небольшой надлом.

– А это у вас что?

– Сувенир из Африки.

– Отдыхать туда ездили?

– Да нет, воевать пришлось. Будет время, я тебе обязательно расскажу.

Вовка ушел, а Михалыч, вновь вернулся в свою молодость, туда, к событиям тридцатилетней давности, где он был просто Виктором. Да нет, пожалуй, уже под сорок лет прошло...

СЛУЖЕБНАЯ КОМАНДИРОВКА

*«Встать грудью» обычно призывают
те, кто удобно сидит на заднице...*

Ему двадцать семь, старший лейтенант, командир взвода наведения ракетных комплексов С-125.

О том, что ему предстоит выполнять интернациональный долг, Виктор узнал за несколько дней до отправки.

Сначала с ним, как, впрочем, и со всем младшим командным составом ракетного дивизиона, провели предварительную беседу. Замполит говорил о возможном привлечении к зада- нию особой важности, после чего он подписал уже заготовленную бумагу о неразглашении.

Два следующих дня ушло на заполнение специальной формы, в которой надо было ука- зать всю родню вплоть до седьмого колена и постараться вспомнить, где они были и чем зани- мались в лихие годы Отечественной и Гражданской. На следующий день их собрали в штабе, и провели разъяснительную работу с участием человека в штатском – сотрудника ГБ.

Сначала выступил полковник, зам. командира дивизии по политчасти, рассказавший о сложившейся ситуации на египетско-израильском фронте, о поддержке израильской стороны Соединенными Штатами, о «Фантомах», «Миражах» и «Скайхоках», от налетов которых нам предстоит защищать простых феллахов, рабочих египетских заводов и фабрик, и остальное мирное население. Штатский, под пиджаком которого тоже проступали погоны не ниже май- ора, предупредил нас о строгой секретности предстоящей операции. Потом он заклеил под- лую сущность агрессора, приведя лозунг сионистских организаций: «Израильтянин, вот твоя родина – от Нила до Евфрата» и предупредил об изощренном коварстве врага.

– Как будто мы здесь евреев не видели, —

услышал я за спиной голос Вадима Градова, лейтенанта, инженера-техника РЛС.

Штатский, словно бы буравчиками просверлил Градова взглядом, выдержал паузу, и четко произнес:

– Не стоит недооценивать противника, а заодно и проводить ненужные параллели.

Когда они вышли из класса в полутемном коридоре они увидели устаревший запыленный плакат «Дружба навек» времен Хрущева.

Дружба навек!

– Вот видишь, – Вадим кивнул в его сторону, – они еще 15 лет назад скорешились...

Вадим нравился Виктору, он выделялся из всех какой-то уверенностью, независимостью взглядов и суждений. постоянно таскал с собой кучу книг, над которыми усердно корпел по вечерам.

Вообще инженеры это особый народ, привилегированный. Когда армейское начальство видело внутреннюю начинку новой техники, с кучами переплетенных проводков и сигнальных лампочек, в их мозгу никак не укладывалось, как во всем этом можно разобраться. Ну а сами инженеры, в присутствии армейских командиров так и сыпали терминами: диоды, триоды, тумблеры и более заковыристые в произношении детали. Конечно, армейские чувствовали себя при этом полнейшими нулями, и потому тихо ненавидели спецов.

А кому, скажите, может понравиться чувствовать себя дураком?

Потому армейское начальство воспринимало техников-инженеров, как неизбежное зло технического прогресса, обходило их стороной и во избежание казусов не загружало их ни строевой подготовкой, ни нарядами.

На чужом берегу

Погрузка на транспорт осуществлялась в строгой секретности в ночное время. Рядом с техникой и ракетами были оборудованы места для отдыха рядового состава.

Это потом уже их сменщиков везли на комфортабельных лайнерах по загранпаспортам, как технических специалистов, а им, первым досталось по полной.

Несколько суток в духоте и жаре, в условиях приближенным к тюремным. Только ночью людей выводили на палубу подышать свежим воздухом и освободить трюм от продуктов жизнедеятельности.

Вадим, я и замполит Непорчук стояли на палубе, опираясь на борт, и смотрели на переливающиеся в лунном свете волны.

– Нате, кушайте заразы! – услышали мы за спиной. Это с размаху выплеснул за борт ведро нечистот рядовой Рябов.

– Это ты кому? – строго спросил замполит.

– Акулам империалистическим, кому же еще, – ответил тот, – ведь мы же поди в Средиземном?

– Где мы, это не твое дело, а вот про акул империалистических ты правильно выразился. Вот как прибудем на место, мы им еще не так подгоним, – и замполит хохотнул вслед своей, на его взгляд, удачной шутке.

– Сейчас компотик из сухофруктов организуем, – и Непорчук отправился в сторону камбуза.

– Этот подгонит, – Вадим проводил взглядом удаляющуюся фигуру, – он не только чужим, он и своим всегда готов это сделать. Ты с ним с этим сукофруктом поосторожней.

– Сам поосторожней, чего на инструктаже с евреями светился? Могли и не взять.

– А я сюда и не рвался. Отсеяли бы и ладно.

Вадим закурил.

– А ты знаешь, Виктор, я ведь и вправду с некоторыми евреями близко знаком, с теми, кто на землю обетованную отправились. Однокашник мой там. В десятом классе дружили, теперь по разные стороны будем... вот так...

В Александрии выгружались ночью. За день подготовились к маршу, за это время успели перекрасить технику в пыльно-желтый цвет и переодеться в форму египетской армии без каких-либо знаков отличия.

На ноги вместо сапог – высокие ботинки со шнуровкой, на голову – кепи. После наших пилотов и фуражек, легкие кепи с длинным козырьком делали лица ребят совершенно неузнаваемыми. Многие из призывников южных республик действительно почти не отличались от солдат египетской армии.

Нашему Дивизиону были приданы зенитные самоходные установки «Шилка» и отделение стрелков-зенитчиков «Стрела-2», а также несколько тягачей.

За ночь был совершен марш-бросок (порядка 200 км.), на заранее подготовленные для нас позиции., причем последнюю треть пути двигались по пустыне, техника вязла в барханах, которые преодолевали под «Дубинушку» и известные подбадривающие выражения.

– Ночь работе не помеха.

– Чтобы силушки набраться, надо правильно питаться

Непорчук бегал от одной завязшей машины к другой, призывая всех еще чуть поднажать и как следует поднатужится.

– Товарищ капитан, – раздался из темноты чей-то веселый голос, – тут от нашей натуги уже весь воздух на несколько километров испорчен.

Раздался дружный смех.

С -125 на марше

– Товарищ капитан, – послышалось от другого борта, – а баня будет?

– Не обещаю. С водой здесь говорят туго, а вот одеколон постараемся выдать.

– *Какие уж одеколоны, – когда идешь позади колонны!* – вновь вмешался первый, в котором я узнал голос рядового Рябова.

К рассвету мы уже были на своей позиции. Укрытия для людей и техники были выполнены из железобетона, а места пусковых установок обвалованы мешками с песком.

Столовая располагалась отдельно. Вся позиция была огорожена колючей проволокой. Снаружи ее охраняли арабские солдаты, внутри были выставлены собственные посты.

Хотя командир дивизиона доложил командованию о готовности к боевому дежурству, дел еще было непочатый край. Однако все работы по полному развертыванию комплексов были перенесены на ночное время, как в целях сохранения секретности, так и из-за нещадно палящего солнца (это в середине-то марта). И тут поступила команда к приему пищи. Рябов тут же ее прокомментировал:

***Чем больше морда и живот
Тем крепче Армия и Флот!***

Уже час, как со стороны столовой утренний ветерок доносил приятные запахи, но стол превзошел все наши ожидания, и этот первый прием запомнился солдатам надолго.

Нам, привыкшим к перловке со шкварками, жидкому пюре с котлетой из хлеба, макаронам по-флотски сдобренных комбижиром, сегодня были предложены: салат из свежих овощей и мастерски пожаренная курятина. А вместо сизого киселя или компота из сухофруктов на столе стоял натуральный апельсиновый сок.

– Слушай, – обратился ко мне Вадим, наворачивая курицу, – кругом одни пески, откуда это все берется?

Мы еще не знали, что египетское командование предложило в рацион офицеров включить сухое вино, ведь англичане всегда его требовали. Но наши военкомы отказались, видимо боялись развратить нас или считали, что нам и спирта, выделяемого для технических нужд, вполне достаточно.

Первый день ушел на обустройство. Рядовой состав располагался в том же большом тоннеле, что и командный пункт. В его ответвлении были установлены деревянные нары в два яруса. Младших офицеров селили по двое-трое, в свежевырытых землянках перекрытых железобетоном. Стены были завешаны грубой тканью, а на деревянных настилах лежали тюфяки и войлочные валики.

Как-то само собой я оказался вместе с Вадимом. Когда распаковывали свои небольшие чемоданы, он вынул несколько книг, среди которых были словари французского и английского, Вольтер в подлиннике и... «Как закалялась сталь» Николая Островского.

– Это я для прикрытия, – увидев мой вопросительный взгляд, пояснил Вадим, – они же с подозрением отнеслись к этому набору, ну я им и заявил, что хочу коммунистические идеи из этого бессмертного произведения братьям арабам внушать.

В анкете-то я написал, что иностранными не владею, сказал, что пока лишь несколько слов знаю: Noy, Yes и Revolushion. А то ведь они шибко боятся, что кто-то вражьи голоса будет слушать.

– А ты слушаешь?

– А ты? – мгновенно отпарировал Вадим, и я понял неуместность своего вопроса.

– Ладно, – более миролюбиво продолжил он, – притремся.

Через неделю мы уже совсем освоились с обстановкой. Основных трудностей было две – недостаток воды и переизбыток солнца. Воду нам давали две скважины, одна питьевую, другая техническую. Первая иссякала к обеду, вторая к ужину.

Солнце, особенно во второй половине дня палило нещадно, потому всю основную физическую работу делали после его захода. Хорошо еще нас завезли сюда в марте, и мы привыкали к жаре постепенно, ведь к июню температура в тени достигала уже 50 градусов, а на солнце все 80.

Смена климата, питания и особенно качества воды сразу же отразилось на организмах рядового и командного состава дивизиона. Овраг за площадкой на время стал самым посещаемым местом, это уже позже там были выстроены туалеты.

Обустройство санитарных условий

Арабы, из внешней охраны долго недоумевали по поводу необходимости этих построек. Смех смехом, а несколько человек в дивизионе заболели серьезно. Наш санинструктор – фельдшер по образованию – поместил их в отдельную землянку с подозрением на дизентерию.

Первые дни было очень много работы, к тому же наши дежурства с Вадимом не совпадали, потому нам было даже некогда поговорить. В конце первой недели в землянку, где я лежал на своем тюфяке, с угрюмым видом вошел Вадим.

– Ну вот, воевать не воевали, а уже первые потери...

– Чего там случилось?

– В соседнем дивизионе рядовой умер, вот так же с животом прихватило, кто ж определит какая там зараза, когда везде одни фельдшера.

– А ты откуда знаешь?

– Разговор по радиации засек. Говорили хоть и не открыто, но я их кодовый язык знаю – груз 200. Только – он приподнял палец и испытующе взглянул на меня.

– Само собой.

Действительно, на следующий день к нам прислали какого-то уполномоченного майора, который провел инструктаж по санитарии. Он читал, видимо, с наспех отпечатанного руководства, при этом поминутно спотыкался на медицинских терминах. Про умершего солдата не было сказано ни слова.

Потом отдельно был собран офицерский состав, где нам строго секретно сообщили о воздушном инциденте в небе Египта. В первый день дежурства одним из наших дивизионов был сбит ИЛ-28 египетских ВВС, по поводу чего было тщательное разбирательство, сделаны соответствующие выводы и приняты меры.

Возможно, именно это повлияло на то, что на следующий день, при пролете над нашим дивизионом двух израильских «Фантомов» пуск ракет произвели с запозданием и цель не пора-

жена. Однако выстроенная линия из 25 установок полностью перекрыла их наработанные маршруты на Каир, Александрию и другие города в долине Нила.

Лекция по истории

После первых двух недель адаптации все как-то успокоилось. Все чаще у нас выдавалось время пообщаться с Вадимом. Хотя он был на два года моложе, однако более продвинут и информирован и это позволяло ему быть в наших беседах на высоте.

– Ты хоть знаешь из-за чего весь этот сыр-бор? – как-то спросил он у меня.

– Ясно дело, египтяне хотят освободиться от империалистического гнета, построить свой социализм, вот мы им и помогаем.

– И все?

Все твои знания и убеждения?

И ты полностью доверяешь нашим политработникам? Хотя... откуда тебе что знать, – школа, военное училище, комсомол, рекомендуемая литература и уверенность в завтрашнем дне:

Идеи Ленина живут и побеждают!

– Так просвети меня, деревенского, – без особой обиды ответил я.

– Ты, правда, хочешь?

– Хочу.

Вадим достал из чемодана толстую тетрадь с вырезками и картами-схемами и я понял, что лекция будет основательной.

– Это моя первая работа по истории войн и завоеваний, так сказать проба пера.

Я успел прочесть ее название:

ИСТОРИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ЭКСПАНСИЙ

Вадим, сделав недолгую, но многозначительную паузу и начал.

– Маленькое введение в тему:

К VII веку существовали три значимых религии зороастризм, иудаизм и быстро завоевывающее мир христианство.

Иудеи значительно уступали и зороастрийцам в Азии и христианам в Европе.

Есть конспирологическая версия, что иудеи решили помочь родиться еще одной силе из арабов-кочевников. и направить их на своих соперников.

Но я считаю это маловероятным, хотя Коран со слов Мухаммеда действительно записывали евреи-фарисеи.

Все развивалось диалектически – люди искали справедливость и, не веря земным царям, шли на поклон к царю небесному.

Новое религиозное течение началось в пустынных малопригодных для жизни окраинах античного мира, где появился божий посланник пророк Мухаммед. Он-то и решил объединить самых бедных арабов под знаменем Аллаха и путем завоеваний заполучить улучшить благосостояние бедуинов.

Фарисеи это *просвещенные* иудеи, знавшие счет и парочку языков, в том числе фарси, за что и получили свое прозвище.

А у нас на третьей пусковой тоже есть два просвещенных украинца, они так гордятся этим и себя сведомыми называют, значит это их последователи.

Вадим с одобрением посмотрел на меня:

– Для начала неплохо... аналогия в целом правильная. При Наполеоне у нас дворяне щеголяли знанием французского языка, а сейчас в СССР щеголяют знанием марксизма-ленинизма в высказываниях его классиков:

«Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма» —

К. Маркс

«Наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!» – Вл. Ленин

Как точно про призрак-то сказано! Так пять десятилетий и проболтались с этим призраком как г... в проруби...

– Зато Европу спасли...

Повисла пауза. Вадим понял, что я не так прост как он считал поначалу. Он решил вернуться к началу.

– Кстати, и Коран, конечно не манифест коммунистической партии, но тоже был написан талантливо, иначе бы не нашел такое количество сторонников.

Вот что написал после его прочтения Александр Сергеевич Пушкин:

*Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.
И все пред Бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.*

Чувствуешь, какой напряг?

Пушкин его определил сразу:

И нечестивые падут, покрыты пламенем и прахом

Тогда и начался священный джихад – вооруженная борьба за распространение ислама. Вера в то, что гибель в «священной войне» открывает дорогу в рай, делала воинов неустрашимыми.

К тому же от тибетских лам они переняли приемы самовнушения до уровня фанатизма. По сути, это была первая религиозная война. Потом пошло поехало. Итак:

Первая попытка

После смерти Мухаммеда в 632 году за 30 лет границы его нового государства значительно расширились, и был образован *Арабский халифат*, который несколько веков терроризировал Европу.

Не пробившись через Византию, арабы прошли по северу Африки, и заняли Испанию.

Там их смог остановить только Карл Великий.

Арабы покорили народы Северного Кавказа и Средней Азии. Они доходили до Булгара на Волге и принесли туда ислам.

Кстати, на стороне Византии и Карла в войне принимали участие и русы и древние славяне.

Арабский халифат

Вторая попытка

Очередная попытка создания «Всемирного халифата» была предпринята турками сельджуками.

В 1352 году была завоевана Византия.

Константинополь еще сотню лет продержался и, передав главные реликвии Москве, тоже пал.

Тогда и была создана Османская империя, с которой уже напрямую пришлось воевать нашим предкам. Сначала это было Крымское ханство, а затем и сами турки.

Ну, об этом из учебников истории ты все-таки кое-что знаешь. А я вот строчку из старинной песни помню:

Сабля без обмана режет басурмана!

— так пели наши казачки, но poleglo их тогда порядочно. За 350 лет только официальных войн было 12

В конце 13 века на территории распавшегося государства турок-сельджуков возникло воинственное государство во главе с князем **Османом** (позже приняли титул султана). Их называли турками-османами.

Третья попытка

И вот теперь начало третьей попытки, в которой мы опять участвуем. Но самое интересное, что теперь мы на стороне мусульман, о которых наши предки тупили оружие:

Сабля без обмана режет басурмана.

– Ну, это ты перегибаешь!

– Нисколько! Ты книгу Гамаль Абдель Насера «Философия и революция» читал?

– Откуда?

– Жаль. Но если честно, и я тоже не читал. Однако ее суть мне известна. В ней Насер поставил для себя задачу стать лидером 55 миллионов арабов, затем 224 миллионов африканцев и, наконец, 420 миллионов мусульман. При этом выступить единым фронтом против «империализма» – читай западных христиан – восточных он оставляет на потом, используя при этом нефть, как главный экономический козырь, как он выразился – «*жизненный нерв цивилизации*».

А мы ему Героя...

После наступившей паузы Вадим задумчиво продекламировал:

*Потеряю истинную веру —
Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насера —
Не подходит к ордену Насер!*

*Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом
Но давать Героя — это брось!*

Владимир Высоцкий, – назвал он автора, – мой любимый поэт и певец.
Наш разговор на этом интересном месте прервал сигнал тревоги.

Армейские будни

В Египте сумерек не бывает, день в течение нескольких минут переходит в ночь. Причем ночь намного темнее вина «Южная ночь», которым мы баловались в молодые годы.

Мы выскочили из своей землянки. Наверху было —хоть глаз коли. Мы сориентировались на фонарь у командного пункта и побежали в его сторону. В это время по громкоговорящей связи поступила команда «Занять круговую оборону!».

Эту установку мы уже отрабатывали, правда, в дневное время, в ночное это оказалось намного сложнее. Вплотьмах происходило множество натеканий и столкновений, отовсюду слышались возгласы и ядренные слова. Но изредка даже в этой пустыне можно было столкнуться с интеллигентными типами:

– Товарищ лейтенант в темноте вы смотрите намного приличнее, – такой комплимент мне отвесил Рябов, которому я случайно наступил на ногу.

Я извинился, и пока мы шли до его пусковой, он мне поведал о нескольких наших командирах с одинаковым диагнозом – растяжением мозга.

Проверив охранение у пусковых установок, я двинулся вдоль линии обороны, проверяя расположение и наличие личного состава. Линия обороны, закрепленная за моими боевыми расчетами (около полукилометра), представляла почти замкнутое кольцо, прикрывавшее северное, западное и южное направления.

По нашим обычным меркам организовать оборону значило окопаться. Здесь же земля была каменной, вернее это и был камень-известняк желтого цвета. Вдолбиться в него не было никакой возможности и защитой оборонявшимся служили брустверы из того же самого камня. Пройдя примерно половину своих расчетов, я наткнулся на капитана Непорчука, который тут же мне сделал замечание:

– Вы где болтаетесь старший лейтенант, мне тут приходится вас подменять. Вы думаете, я и во время боевых действий это буду делать?

Вообще я такого подумать никак не мог.

– Придется вас по плацу погонять, – не унимался Непорчук, – чтоб свои ноги потренировали!

После первого бурного наскока капитан все же прояснил обстановку.

– Тревога отнюдь не учебная, а боевая.

Перед самым закатом наши РЛС засекли две низколетящие цели, судя по скорости вертолеты. Не долетая до наших позиций, они вдруг исчезли с экранов, видимо сели. Возможен десант.

В этот момент к нам подскочил наводчик и обратился к старшему по званию:

– Товарищ капитан, тут рядовой Ключев бровь разбил, кровь никак не остановить,

– Перебинтуйте.

– Так нет бинта.

– Вот платок, сделайте ему примочку.

– Так нет воды. Нечем смочить.

– Как смочить повязку, если нет воды? А подумайте!

Из темноты слышались смешки:

– *Ты нас батя не учи – нету пива – нет мочи!*

– Отставить разговоры про алкоголь!

Появившаяся из-за горизонта луна, начала освещать территорию комплекса и уходящую к горизонту пустыню. Точнее это был полумесяц, располагавшийся на небе очень необычно.

Месяц довольно быстро из красноватого стал желтым, а еще через пару минут засиял серебром. На черном, усыпанном звездами небе светилося некое рогатое чудо.

– Прямо, как в арабских сказках, – подумал я.

Стало довольно светло

Сразу стало спокойнее. Замполит снял свою кепи и промокнул платком лысину. Но, она продолжала блестеть, отражая лунный свет.

Я вспомнил, как солдаты подшучивали по поводу прически замполита: *это у него не лысина, это у него пробор такой широкий*, – и улыбнулся.

– Чего скалишься?

– Товарищ капитан, вы бы кепи-то одели, – позиции демаскируете.

– Ты шути, шути, только не громко – тихо порекомендовал он мне, и чтобы уже слышали все в полный голос, добавил:

– И чтоб не спать!

Мы еще не знали, что таких бессонных ночей за последующий месяц у нас будет добрая треть.

С рассветом прозвучала команда «Отбой» и, построив свои расчеты, я отправил их отдыхать.

Недалеко от наших позиций располагался учебный аэродром, где наши инструкторы обучали будущих египетских «ассов» на винтовых Ла-9. Именно с этого аэродрома нас, группу из четырех человек отправили на вертолете в Каир, рядом с которым располагалась наша летная часть. Мы должны были скоординировать свои действия, отметить у себя их воздушные коридоры, согласовать позывные.

В нашей группе старшим был заместитель начальника дивизиона капитан Малинин. И мы три лейтенанта – главный «планшетчик» Крымов, Вадим и я.

Большую часть пути внизу смотреть было не на что, – сплошная пустыня. Ближе к Каиру стала появляться растительность и небольшие селения, сам же город остался в стороне.

Летчики нас встретили дружелюбно, пригласили в столовую, но мы отказались, – потом. Капитан от нас отклеился по своим более важным делам, дав нам на наши три часа.

Мы уложились в один час, набросали коридоры и записали позывные. В этой эскадрилье все были *Проньры*, в соседней *Призраки* с соответствующими номерами.

У командиров были индивидуальные – *Седой*, *Лидер*, *Феникс*. Записали и их. После чего нам предложили экскурсию.

Осматривать прилегающую пустыню мы отказались и потому напрямиком направились в ближайший ангар. Там нас уже ждали.

На столе стояли два огромных блюда, одно с бананами, второе с финиками и инжиром. По периметру стояли стаканы, а в центре шалашиком три фляжки.

– Ракетчикам пламенный привет! – провозгласил здоровый дядя в комбинезоне, один в один с техником из кинофильма «В бой идут одни старики», – Прощу к столу!

– Хорошо устроились, плоды фигового дерева потребляете, – подколот Вадим, сделав неправильное ударение в слове фигового.

– Так нас Садыки (садык по арабски друг) снабжают, плеснешь им керосину бидончик, они за это не только принесут, могут и привести кого надо, даже своих дочек предлагают.

Нет, что не говори, не наши это люди, не наши. И порядки им наши до фени! Их коммунистическая идея исламом зовется – подытожил механик.

Он достал из облезлого холодильника бутылку «Боржоми», предупредив, что это главный дефицит, – идет только на разбавку, а в чистом виде ни-ни. Выпили за содружество родов войск.

– Ваш ликер «шасси» точь в точь как наш «сопло», – резюмировал Крымов.

– Само собой! Формула та же и очистка, поди, одинаковая, – авторитетно пояснил техник.

– А москвичи среди вас есть? – спросил Вадим

Летчики прыснули. Мы недоуменно переглянулись.

– А ты случайно не оттуда – он показал на восток, где находилась линия фронта.

Мы опять ничего не поняли.

Тогда они рассказали, как до «командировки» в Египет они упорно учили английский, для переговоров с диспетчером во время полета и как в первый же вылет слышали:

– Привет русские! Воевать прибыли? А москвичи у вас есть? А ленинградцы?

Мы рассказали летунам о своих трудностях, а они нам о своих.

По настоящему боевых действий еще ни у них ни у нас не было. Летчики на своих МИГах выполняли в основном барражирующие полеты на больших высотах порядка 6—7 км. над территорией между Нилом и Суэцким каналом.

Выпили и тут малый с позывным Проныра-6 стал жаловаться:

– Израильтяне выскочат из-за гор на бреющем, долбанут по арабским батареям и назад.

Мы за ними. Но нам же разрешено с ними разбираться только над своей территорией, за канал соваться запрещено – не дай Бог собыют. Потому что упасть наш летчик должен здесь, иначе вся секретность миссии раскроется. Так что противник успевает смыться.

– Но хоть на Каир летать перестали, – побаиваются. Расчетливые ребята... – сгладил недовольство молодого задиры бортмеханик.

– Конечно расчетливые, тут новую байку про них рассказали, – вступил в разговор рыжеватый летчик Проныра 3 сидевший в конце стола под самым хвостом МИГа. Не дожидаясь просьб, он начал:

*Собрались, значит, евреи
и обсуждают дела насущные. Вот один из них говорит:
– Не любят нас в мире. Завидуют что мы богатые, считают,
что мы всех обманываем,
околпачиваем, обвешиваем и обсчитываем.
Добром это никак не кончится, надо бы им всем чего-то дать,
подарить...
Стали думать. Тут один и говорит:
– А давайте им религию подарим!
Все на него сразу зашикали, мол, ты что сдурел? Религия – это же
святое!
– Да вы меня не поняли, – говорит он, —
свою религию мы себе оставим, а им новую выдумаем...
Так две тысячи лет назад евреи и спаслись.*

– Надо бы эту баечку нашему политруку рассказать, – сказал я, – она ему шибко понравится.

– Ага, – поддакнул Вадим, – а еще добавить, довеском, что потом они арабам ислам подкинули. а сто лет назад и нам тоже коммунистическую идею.

– Хватит! – стукнув ладонью по столу, вмешался техник, – Разговорились тут. Сталинские времена забывать стали, он бы вам за такие разговоры быстро путевку на Колыму выписал, а там, кстати, бананов на закуску не дают, – и стал разливать по третьему кругу.

**Летчики 2 эскадрильи 135 истребительного полка.
Каир. 1970 год**

Посмотрели фотографии, хотя с этим было тоже строго: командировка была засекречена – все давали подписку.

Это уже через 20 лет начала просачиваться информация о том, что в нэтой служебной командировке принимали участие 32 тысячи человек рядового и командного состава. Но об этом все узнали после развала СССР.

Через два часа мы погрузились в вертолет. Капитан Малинин тоже благополучно решил свои важные дела, о чем свидетельствовало его хорошее настроение и исходящий от него запах коньяка.

Мы все старались дышать в сторону, но отдача от «ликера» ему была прекрасно знакома, потому он порекомендовал по позициям не болтаться, а сразу в норы. Мы так и сделали.

Дискуссия

Не успели мы расположиться на своих топчанах, как ввалился Крымов с полной фляжкой и парой банок консервов.

– Капитан нас от всех вахт и дежурств освободил, сказал, что упорно поработали, устали и к тому же в полете всех уболтало. Так что я предлагаю продолжить банкет и *уболтаться* по полной.

Протестов с нашей стороны не последовало, и мы быстро соорудили стол из чемодана. Разговор свелся к двум главным вопросам: на хрена нам эта пустыня сдалась и сколько мы еще будем здесь кости вялить и пыль глотать?

– Хамсин начинается, – проинформировал нас Крымов, – теперь почитай два месяца света божьего не увидим.

Мы уже знали про это природное явление – постоянный, сильный ветер, и пыль, от которой никуда не спрятаться. Здешний сезон ветров.

– Хамсин в переводе означает пятьдесят дней, – продолжал проявлять свою эрудицию Крымов.

– А по-нашему это их бесы *хамы* пляски устраивают и пылят, так что *синего* неба не видать.

– У Виктора перевод лучше, – похвалил меня Вадим.

Крымов не унимался:

– И чего они в этой пустыне нашли?

– Это очень древняя земля, – ответил ему Вадим, – осколок древней цивилизации. Когда-то здесь была благодатная страна, богатые пастбища, масса животных и птиц, плодоносные деревья, можно сказать рай земной.

– Откуда ты это все знаешь? – я давно хотел прояснить для себя такую осведомленность Вадима.

– В Московский Университет на истфак собирался поступать. В Ленинке часто засиживался, там еще кое-что можно найти.

– Хорошо, – вновь вступил в разговор Крымов, – а наши предки тогда где жили?

– На Северном Урале и Западной Сибири, там страна такая была – Гиперборея.

Это древние греки ее так называли, – большая северная земля означает. Оттуда свежий и холодный ветер борей их обдувал.

– Ну вот, мы им Борей – чистоту и прохладу, а они нам хамсин – жару и пыль!

– Не знаю я никакую Гиперборею – откровенно признался Крымов.

Лукоморье по Герберштейну

– Ну а Лукоморье-то знаешь?

– А как же, там еще русалки по ветвям были развешены.

– Кто про что, а Крымов все про баб.

Я тоже отметил однобокую озабоченность нашего приятеля, а Вадим продолжил:

– Ну вот, их хамсин знаешь, а землю своих предков нет. В Гиперборее жили и предки германцев и предки предки руссов-скифов, все они ушли от холодов к югу и расселились вкруг Каспия и Черного моря их еще лукоморами называли – из луков хорошо стреляли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.